

ЗИНАИДА ГИППИУС

АВТОНОМ И
НАДЯ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Автоном и Надя

Аннотация

«Жарко.

Темно-зеленым, крепким, голым и лосновитым кавунам тоже, видимо, жарко. Пупыристые дыни слегка прячутся в зелень, чтобы не загореть. А на толстые, золотые животы арбузов я даже глядеть не могу без досады: повываивались на солнце и преют-зреют самодовольно. Сами же – гадкие, есть их нельзя, кожа крокодила...»

Зинаида Гиппиус

Автоном и Надя

Жарко.

Темно-зеленым, крепким, голым и лосновитым кавунам тоже, видимо, жарко. Пупыристые дыни слегка прячутся в зелень, чтобы не загореть. А на толстые, золотые животы арбузов я даже глядеть не могу без досады: повыставились на солнце и преют-зреют самодовольно. Сами же – гадкие, есть их нельзя, кожа крокодилья.

Я опять сижу на ближнем баштане, у Автонома шалаша. Дальний баштан сторожит дедко, я не хожу туда. Я ведь не баштан люблю, а, главное, Автонома. Когда он в конюшне – я лезу в конюшню. В кухне, – я туда.

Автоном у дяди на хуторе – что хочешь. Он и кучер, он и во дворе, а теперь на ближнем баштане шалаш поставил, там живет.

Мне запрещают всюду таскаться за Автономом, но я не слушаюсь, это выше моих сил: слишком люблю.

У шалаша, где мы сейчас сидим, нажелто повитоптана трава и очень мало тени. Меня подпекает сзади, но я терплю, чтобы Автоному дать больше места. Гляжу и люблюсь им: большущий какой, усы какие, рубаха какая (рубаха белая холщовая, как у всех, но на нем кажется мне особо красивой), трубка с цепочкой, в ухе серьга.

Я люблюсь, но не забываю вгрызаться в ломти кавуна, что лежат на тряпочке между нами. Тело у кавуна темно-розовое, льдисто-хрупкое, сладкое; черные косточки сами скользко выпадают.

– А вы, паныч, на кавун-то не налегайте. Утречком уж один порушили. Абы живот не заболел, – солидно и равнодушно говорит Автоном.

Я молодецки встряхиваю кудрями: что, мол, мне кавун! Впрочем, это только говорится «кудрями»: кудрей у меня нет, одни вихры.

– А матка-то что пишет? – опять говорит Автоном. – Небось скоро уж за вами?

У меня сегодня к Автоному множество серьезных дел, на счет которых надо посоветоваться. Совсем мне неинтересно думать о маме, которая сама же привезла меня сюда на хутор, к дальним дяде и тете, и уехала за границу. Однако я отвечаю:

– Еще лето не прошло. Еще только август. Чего ей? Пусть погуляет.

– Пусть, – соглашается Автоном и начинает усиленно сосать трубку, которая свистит и сопит. Видно, выкурилась.

Мы молчим. На сладкое налетели осы, и между ними одна пчела, кругленькая, бархатная, точно барыня между суетливыми, поджарыми горничными.

Я боюсь до смерти шершней, ос и пчел. Но мне стыдно, что боюсь, и я только незаметно стараюсь отодвинуться от

розовых корок арбуза, хотя бы на солнце.

Автоном не замечает моего маневра: слишком солиден. Я люблю его, конечно, «ни за что», просто люблю, но иногда кажется, что за солидность тоже; он и со мной говорит, как с таким же солидным человеком, и я это жутко и гордо ценю.

– Автоном, – говорю я, желая наконец приступить к делу, – а ты исповедуешься?

Автоном медленно подымает на меня неувидленные глаза. Он никогда не удивляется.

– А то как же?

– Летом?

– Зачем? В посту.

– А теперь есть пост?

– А то как же?

– Другой, значит? Потому что знаешь, Автоном, тетя сказала, что она меня повезет теперь исповедоваться, в церковь, в Захиленье. Мне уж восемь лет, а я ни разу не исповедовался. У меня уж грехи.

– Эге? – одобрительно качнул головой Автоном. – Конечно ж, грехи.

Мне стало несколько страшно. Главное, я не знал, какие бывают грехи для открытия их на исповеди, что, собственно, грех и что нет. Были соображения, но уверенности не было.

– Ну, какие же, однако, грехи? – спросил я с притворной небрежностью. – Какой я грех скажу, даже не знаю, что и выдумать.

– Зачем выдумывать? Это ж и есть грех. Попу надо правду. Здесь батька не строгий, а вот служил я когда, так был строжайший. Такое лицо, – все нутренности вывернет.

– Это когда ты солдатом был, Автоном? – спросил я, замирая. Еще бы! Внутренности иногда выворачивают на исповеди. – Ну что ж он?

– Да что? Уж давно это, уж не помню. А наш батька не строгий. Идите себе, по закону.

– Я и пойду. Только вот какие, собственно, грехи? Ты как думаешь?

Автоном перевернулся на другой бок и вздохнул.

– Мало ли? Всякий грешен. А вы, панычу, небось что против дяденьки с тетенькой сделали – вот вам и грех. Они велият одно, а вы сейчас по-своему, да потихоньку напротив им, вот грех.

Я свистнул.

– Ну да, они вон мне и на баштан к тебе говорят все время не бегай. Так это грех? Попу признаться, что я на баштане сижу?

– Зачем? Тут худого мало. Коли бы вы нарочно, говорю, каверзность какую потихоньку устроили, напротив желания. Это грех. Ну, не слушаться тоже грех. Стыдно.

Тут уж я окончательно запутался. Начать с того, что каверзости я никакой не совершал, следовательно, к попу должен идти с пустыми руками, признаться не в чем. Что же это будет за исповедь? Ослушание насчет баштана и Ав-

тонома действительно пахло грехом, я это понимал, но для исповеди его было мало. А кроме всего прочего меня спутало, что Автоном сказал о грехе – «стыдно». Я решил, что он просто оговорился. Стыд – одно, а грех должен быть совсем другое. Например, стыдно мужчине бояться темноты, ос, бабиться стыдно, нюнить... Сюда же я причислял стыд говорить со взрослыми о чем-нибудь своем тайном и милом, о том, например, как я нашу рощу воображаю брынскими лесами, а себя – храбрым воином Соловьем-разбойником, который всех слабых защищает и хранит. Стыдно болтать об этом, и нельзя, но какой же это грех?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.